

№2 (34)

2019

ТОБОЛ

литературно-публицистический
альманах

Курган

КАЗАЧКОВА
Тамара Вениаминовна

Родилась в селе Кирово Мишкинского района. Учебу в Мишкинском педагогическом училище считает большой удачей, а многолетнее общение с основателями Курганского госуниверситета М.Д. Янко, М.К. Корной, П.А. Сергеевым, Н.П. Садовым – счастьем.

За 60 лет работы преодолела все ступени педагогической «лестницы»: школа-интернат на Увале (4–8-й классы), 11-я средняя школа (8–10-й классы), более 20 лет в КВВПАУ, 24 года – доцент кафедры истории и литературы Курганского государственного университета. Отличник высшей школы.

Диссертацию защитила по литературе периода Великой Отечественной войны (Москва, МОПИ им. Н.К. Крупской). Научные работы посвящены проблемам литературы XX века, творчеству таких писателей, как М. Шолохов, В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Некрасов, К. Воробьев и других. Автор ряда книг. Кандидат филологических наук.

«И Я ШАГАЮ ПО СТУПЕНЯМ ОДНОЙ ИЗ ЖИЗНЕННЫХ ДОРОГ...»

*Стихи мои, спокойно расскажите
Про жизнь мою...*

С. Есенин.

В ноябре 2018 года библиотека им. Маяковского провела очередную интересную встречу – презентацию книги стихов Любови Андреевой. «Дали бытия». Когда меня пригласили на презентацию, в памяти вспыхнули строки стихотворения, которые я более 40 лет назад переписала из записной книжки своей однокурсницы, тогда уже известной журналистки Любы Безруковой. Стихотворение, написанное рукой автора, видимо, не для печати, не то, чтобы в «минуту злую для нее», но и не самую радостную. Оно нигде не публиковалось и, как я и предполагала, намертво забыто автором. Это показалось интересным всем. Пусть это будет его первая публикация!

Нас с каждым днем

становится все меньше,

Потом и нас постигнет та же участь.

Осталось так немного умных женщин,

Чтоб миру доказать свою живучесть.

Мы по утрам стояли за кефиром,

Без очереди никогда не лезли,

Чтоб юность, беспощадная к кумирам,

Не видела, как жутко мы облезли.

А по ночам, надрывшись кофе до отвала,

Не спим и держим ушки на макушке,

Чтоб Муза нам прозренья диктовала!

Нужны ей гениальные старушки.

Я одного простить себе не в силах,

Что в пору слуха ясного и зренья,

*Когда «стихотворила» хоть на вилах,
Не написала впрок стихотворенья.*

*Как я могла не думать о грядущем
И растратить божий дар бесечно —
Теперь пылаю взором завидующим
На девок, чье здоровье безупречно.*

Стихотворение «зацепило» тогда и сейчас не разочаровало. Оно — о времени и о себе. О времени — потрясающая «поэтическая экономия»: «По утрам стояли за кефиром...» В очередь. Современным людям, брюзжащим по поводу несовершенства мира, представить подобное невозможно. Но самое, на мой взгляд, интересное — переполненность чувствами. Самыми разными.

Здесь и печаль по поводу быстротечности жизни, и молодая уверенность в принадлежности не только к «умным женщинам», но и к «кумирам», здесь и женское кокетство «как жутко мы облезли» (автору едва перевалило за 30!), самоирония по поводу «гениальных старушек», и недовольство по-настоящему творческого человека тем, что сделано, а «завидующий взор» не более чем стилистическая фигура. Если бы автор разрушала себя завистью, мы бы не радовались ее очередной книге и не поздравляли бы автора лично.

Первая встреча с Любовью Харитоновной напомнила о многом. Я была молодой учительницей литературы, когда появились ее первые стихи в печати. Меня, выросшую в деревне любительницу поэзии, заинтересовало уже то, что она, поэт, оказывается, тоже из деревни, причем не откуда-то из рязанской, например, а из нашей, варгашинской, — рукой подать. Что она, как и С. Есенин, с рифмой «схлестнулась» в раннем детстве: «Надо же, Любка-то как интересно говорит — простеньким стишком», — изумлялись деревенские ребяташки.

*Про то, что вот у тетки Соломеи
Дочурка непутевая растет,
Которой их сосед Алешка Зверев
По вечерам прохода не дает.*

*Девчонки хохотали до упаду,
А тетка говорила мне сквозь смех:
— Как у тебя словам хватает складу?
Ну, молодец! Ты рассмешила всех.*

По приезде в город «на попутной машине с аттестатом, в заштопанной куртке синей» было уже не до смеха: «Город в руки мне дал не перо, а лопату»:

*Я лопатой бетон достаю,
И бетон под лопатой дружинит,
А потом я его на лоток подаю.
Не легко. Это третья машина.*

Прием парцелляции подчеркивает: действительно не легко, а трудно. Очень. Но девочка-бетонщица не просто борется с неподъемной лопатой, не просто подает «горящий асфальт в вагонетку», она строит город.

*Увозят его по три тонны в машине,
Мой асфальт. Он стекает дорогами в город
Мой асфальт. Вот, наверно, по этой причине
Этот город, как первый учитель, мне дорог.*

Это уже не «простенький стишок» про тетку Соломею и ее непутевую дочку – это гордая исповедь поэта-гражданина, гордость своей причастностью к «рабочей реке бесконечной», «каплей» которой она по праву себя считает. Город благодарит их, рабочих девчонок: «Девчата, я ваш, я пожизненно ваш».

Рабочая тема широко представлена в творчестве Л. Андреевой: «Я строила панельные дома», «На кладке», «Смена», «Не думала сама я стать поэтом», «Мастер», «Я читаю стихи» и многие другие.

И всюду – активная и благодарная позиция автора, равнодушного к тому, чем она занимается, и к тому, что ее окружает. Стихи личностные, авторские, обращенные к простым труженикам – «товарищам по оружию».

*Мои герои, вот мои герои,
В комбинезонах, с кельмами в руках.
По-моему, лишь тот герой, кто строит,
Кто каждый день стоит на всех ветрах.*

*Мы строители, нам не впервые бетон
Принимать или землю ворочать.
Только хочется очень, чтоб кто-то потом
Знал, что здесь ты работал рабочим.*

Перед нами портрет сильной, пылкой, азартной, активной, осмысленно действующей героини:

*Взлетала «вира», опускалась «майна»,
Скрипел мороз веревками тросов.
Мы на карнизе, будто бы случайно,
Стояли без монтажных поясов.*

*О, молодость рабочего порыва,
О, руки золотые работага,
О, злая жажда сделать все красивым,
Снести последний на земле барак.*

Стихи гармоничны и по звучанию, и по сращиванию содержания и формы. В художественную ткань органично врастают «халаты, ватники, кельмы, краны, табеля, наряды» и так далее.

Автор олицетворяет все то, что помогает строить город:

*А лебедку сечет неумная дрожь –
Это трос своей силой кичится.*

*То он, словно бурлак, тянет на гору ковш,
То мальчишкой на ковшике мчится.*

Нельзя не почувствовать динамическую мощь действия, благодаря выразительному: сечет, кичится, тянет, мчится. В основе цикла, посвященного нелегкому периоду жизни автора, цикла, исполненного гордости, жизнеутверждения, оптимистического взгляда в будущее, сложившееся, целостное мировоззрение, пронизанное любовью и мудростью.

Свое место в творчестве Л. Андреевой нашла и любовная лирика. Тема актуальная для всех времен и народов, но у каждого поэта свой голос, своя интонация, свое «понимание вопроса». Читаешь стихи на эту тему, и сами собой возникают своеобразные параллели.

Общее у женщин-поэтов одно – близость, почти адекватность автора и лирической героини. У Л. Андреевой это вообще одна из особенностей творчества: «Я много лет работала на стройке...Я строила панельные дома» и так далее. Любовная лирика у нее немногочисленная, но у нее тоже свое лицо, свой голос. Она сдержанна, интеллигентна, непрозрачна. В любви для автора важна духовная связь, общее миропонимание, умение близкого человека гармонично сливаться с природой, для нее рядом понятия: любовь – дружба. Вот одно из лучших, на мой взгляд, стихов на эту тему:

*Как мы ходили, как сидели,
Как сосны по верхам шумели
В одном их царственных боров.
Ты нес в ведре таких пригожих
Маслят, на солнышко похожих.
Их было много, тех грибов.*

*И мы не то, чтоб заблудились,
Но где-то все ж с дороги сбились,
Брели куда-то наобум.
И свет прозрачный, предосенний,
И сладковатый запах сена –
Все врачевало дух и ум.*

*А где-то там, правей немного
Уж ясно слышалась дорога,
Протяжный шум, скрипучий звук.
Нам не хотелось расставаться,
Хотели мы увидеть зайца
Хоть одного, а лучше двух.*

*И вдруг заметил ты не ветке,
Чуть-чуть светлей твоей барсетки,
Сидела белочка, она
Хвостом пушистым сук прикрыла,
На нас взглянула и забыла,
Как будто здесь была одна.*

*Нам это показалось странным,
На удивление первозданным
И мы притихли, не дыша,
Боялись этот миг нарушить,
Когда ее и наши души
Вдруг стали, как одна душа.*

Стихи на эту тему, как правило, о любви, которая была, как у А. Ахматовой, у М. Цветаевой, потому и естественна у всех интонация потери, грусти, потому у Андреевой повторяется вопрос: «Почему?», – но у нее нет «перебора»: «Уйдешь – я умру!», – как у Ахматовой. Есть в ее «Почему?» пронзительное цветаевское: «Мой милый, что тебе я сделала?», – но она не может ненавидеть ушедшего, разлюбившего. Она не мечется, как Цветаева: с одной стороны, – «За все, за все, меня прости, мой милый, что тебе я сделала», с другой, разлюбивший ни много ни мало – «волк!»

*Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура –
Верить в волчью седину.*

Лирическая героиня Андреевой прощается по-другому. Конечно, с болью: «... на щеке-то что: снег или слеза?», конечно, с горькой иронией о «дорогой судьбине» обращается она к возлюбленному:

*Вот и нам обходные пути
Избрала дорогая судьбина:
Мне – растить и воспитывать сына.
Тебе – прежней дорогой идти,*

но с полным пониманием:

*Там герои идут под венец,
И добро все же зло побеждает –
Это сказки счастливый конец.
В жизни редко такое бывает.*

Никаких истерик, она «гордо голову несет, крепкая и сильная» и, «отпуская любимых», тихо говорит, совсем по-пушкински: «...дай вам Бог любимой быть другим».

*Пусть вас минуют
Все напасти,
Вам только счастья,
Счастья, счастья!*

Высочайшая степень гуманизма, порядочности, внутренней силы! Конечно, есть ноты горечи, боли, трагизма, но она такова: «... гордая и сильная». Любовь для нее – это «солнце в крови, это редкостный дар... это души, как одна душа».

В стихотворении «Река поэзии» Андреева выражает уверенность: «Река поэзии струится и в море классики течет». Поскольку речь шла о неизбежных параллелях, хочется еще раз заглянуть в «море классики» на эту тему. Наши великие были более откровенны, чем наш автор, но при всей своей откровенности были очень находчивы и осторожны в выборе слов в изображении любви и страсти: «... я хочу под кротким взглядом слушать чувственную вьюгу» (С. Есенин). Для Василия Федорова любовь, страсть – «как второе пришествие, как сто крыльев на взлете», для Пастернака – не только «сплетенье рук, сплетенье ног», но и «судеб сплетенье». Примеры можно множить и множить.

Думаю, что ручеек интимной лирики Л. Андреевой течет именно «в море классики: читатель понимает, что «чувственная вьюга», безусловно, была, но она – за рамками, за кулисами, в зазеркалье. Ее лирическая героиня скромна, тактична и целомудренная, в отличие от некоторых современных стихотворцев, называющих вещи своими именами. Вот, например, один из курганских поэтов (официальных), недавно принятый в Союз писателей, доверительно сообщает читателям, что он «с начала марта до любви был жаден, на груди любимой рвал презерватив». Извините, но это «написано пером», а значит – «не вырубил топором». Это поэзия? Мало того, что подобную мизансцену вообразить немислимо, так автор, видимо, не догадывается, что любовь и презерватив проходят по разным ведомствам.

Л. Андреева «разъясняет «подобным авторам:

*Есть тайное, о чем сказать нельзя,
Есть неотступное, когда глаза в глаза,
Есть горькое, как трепет листопада,
Есть грустное, о чем забыть бы надо.*

Но она помнит и «нелегкий вздох и взгляд... и лунное сияние над землей... и ночь... и спокойствие сердец, и понимание душ»:

*Если это забуду, то чем стану жить,
Чем себя успокою в минуту тревоги?*

«Чувственная вьюга» не напоказ. Ручеек интимной лирики струится в творчестве Любови Харитоновны и течет в «море классики». Это поэзия серьезная.

Особое место в творчестве Л. Андреевой занимает и особого внимания заслуживает тема малой родины. Ограниченный формат не позволяет подробно остановиться на этой теме, но нельзя не отметить следующее. Если в своей любовной лирике она сдержанна и непрозрачна, то в раскрытии темы Родины – сердце настежь! «О, моя маленькая родина, моя пахучая, как мята!» – восклицает автор. Тема очень объемна, многозначима: здесь и предметный мир, окружающий героиню, и родная природа, и близкие, родные, любимые люди, и «братья наши меньшие», и тонкие, драматические размышления о днях минувших (период Великой Отечественной войны), и сегодняшних (упадок деревни), о стране, в которой мы живем, о подлинных ценностях, которыми жив человек. Перед нами образ времени, образ эпохи и образ сложной, яркой, многогранной творческой личности.

Здесь явно просматриваются есенинские традиции и в содержании, и в форме. Как не вспомнить есенинские строки:

*И помню, дед мне с грустью говорил:
– Пустое дело! Ну а если тянет,
Пиши про рожь, а больше про кобыл...
...Пиши про то, чем жив крестьянин.*

Об этом и пишет Л. Андреева. Мы видим в ее стихах, как с рассветом «лениво сонные коровы выносят ноги за ограды», как «тяжелый, могучий бык вдруг бузить начинал... ревел, то натужно мычал, то бил копытом землю». Мы осязаемо видим «не изнеженного лаской воробушка», голубя и синицу – все, что окружает сельского жителя. Автор горюет по поводу того, что «конь сейчас – исчезающий вид», понимая его роль на Руси во все века, а потому необходимо беречь

*Все, что было до нас, что в веках отзовется,
Будь хоть конь или русская речь.*

Что касается русской речи... Андреева так же идет вслед за Есениным, воссоздавая бытовые детали родной деревни. Вот Есенин:

*Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.
Квохчут куры беспокойные,
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.
.....
Из углов щенки кудлатые
Залезают в хомуты.*

Замечательно то, что в наше время, когда происходит настоящее издевательство над родным языком, процветает «смешение французского с нижегородским», когда родной язык не выхолащивается использованием просторечий, и Есенин, и Андреева блистательно пользуются богатствами разговорной народной речи, которая прекрасно работает и на создание художественного образа, и вносит свежую струю в любое повествование. Косноязычные современники язык народа или забыли, или не знали – не слышали, не читали.

В ностальгическом стихотворении Андреевой «Из Шевелевки **тянет дымом**» мы видим, как

*Стоят в кути ухват, лопата
И кочерга – слова какие!
И обязательно щербатый*

*Есть стол и лавки боковые.
А в подполе сухом, глубоком
Все овощи всегда под боком.*

Автор с грустью размышляет:

*Пусть это только слабый снимок
Родного сельского уклада:
Нет с молоком на лавке кринок,
Как не было в поселке стада.
А может быть, и лавок нету,
И стол такой, как в магазине,
И печь там вовсе без загнеток,
Ухвата тоже нет в помине.*

Л. Андреева – автор народный не только по происхождению, но и по языку. В ее стихах такие слова, как «бастрык, поскотина, жерди, прясло, ухват, литовка, тын» так далее – работают не только на создание художественного образа русской деревни, это печать истории нашей Родины. Как не вспомнить Осипа Мандельштама: «Русский язык – это сама история, и онемение двух–трех поколений может привести Россию к исторической смерти». Хочется надеяться, что специалисты по литературному краеведению будут иметь в виду богатства, которые лежат под рукой.

Многочисленные школьные реформы, наплевательское отношение к литературе, народной речи, к истории привело к тому, что дети не понимают, о чем пишет Пушкин. Первоклассникам предложили проиллюстрировать пушкинскую строфу:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая,
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.*

Дети изобразили летательный аппарат (кто какой!), и у дороги – мужик с лопатой. Бедные дети поняли одно слово – летит. Горе-реформаторы предлагают «сокращать» классику, а может, лучше объяснять?

Продолжая разговор о традициях С. Есенина в творчестве Л. Андреевой, нельзя не отметить, что у них все окружающее живет. Они одухотворяют природу.

Прием олицетворения – главный в изображении природы. Кто не помнит есенинскую березку, «зеленокосую, в юбчонке белой», чьи «колени обнимал пастух», клен, который «обморозил ноги» и так далее. У Андреевой «ураган куролесит, осока грустит, осинник дремлет, зарницы резвятся, трава притихла, ручеек бормочет, ракита речную воду стережет, деревья ходят» и тому подобное.

*Деревья ходят ночью,
Как улицы уснут,
Они поодиночке*

По городу идут,
 Им лица обдувает
 Крутой свежак,
 На шубах выступает
 Густой куржак.
 Когда же рассыпается
 Первая звезда,
 Деревья возвращаются
 На свои места.

Кстати, у Есенина тоже ночью «деревья, как всадники, съехались в нашем саду», и даже они, «деревянные всадники, сеют копытливый стук». Многое роднит этих авторов. «Пора слуха ясного и зрения», светлое мироощущение, радостное восприятие мира не покидают Л. Андрееву. Она видит, как «пушинка на ветке повисла», как «трава собой прикрывает грибы», как «росы прячут серьги в конотопке». Она сама – частица родной природы – отсюда и самые яркие, задушевные, трогательные метафоры, сравнения и эпитеты – все изобразительно-выразительные средства родной речи:

Как ребенок, задремал июльский день,
 Ты его неосторожно не задень...

Видишь: тучи, а на цыпочках идут,
 Будто воду в ведрах в озеро несут...

Бережное, нежное отношение к природе, удивительная близость к земле и ее дарам... Малая родина – это «меж озер село старинное – Заложное мое», люди, его населяющие – неотделимая частица Родины большой – России. Очень выразительно, на мой взгляд, звучит одно из ранних стихотворений, автобиографичное, исповедальное:

Я тихая, мне мама говорила,
 Что родилась я в тихую погоду
 На поле возле дремлющих ракут,
 Когда катилось солнышко к заходу.

Как будто знала, что идет война,
 Что мать моя хлебнет со мною лиха,
 Что Родине теперь не до меня.
 Я тихая, я родилась без крика.

Я умерла бы там, где родилась,
 Когда б телятница меня не откачала,
 И не узнала б никакая власть, –
 Была война, война бы все списала.

Меня моя деревня берегла...

Деревня выхаживала своего единственного младенца 1942 года рождения: и колхоз выделял «чекушку молока», добавляли бабки «чужих дворов», у кого еще были коровы, бабушка Анна привечала маму:

*Ты бери молоко, не стесняйся, бери,
Я одна, моих деток война погубила,
У твоих-то, голубка, вся жизнь впереди...*

Действовали, как и положено русским людям, «всем миром»:

*А сколько было сказок у меня!
Теперь, когда я прошлое итожу, —
Я понимаю, что моя родня
И Родина — одно и то же.*

В большой печали, стоя на «сельском погосте», лирическая героиня преклоняет голову перед подвигами обитателей деревни-спасительницы:

*Я, наверное, уже никогда не сумею
Отплатить им за то, что на свете живу.*

Самые нежные слова признательности находит автор для матери — Марины Игнатьевны. Ей посвящается поэма «Память», где и обобщенный образ русской женщины-матери, и образ русской деревни в горе, беде и радости. Этот аспект может быть предметом отдельного разговора.

Нельзя не отметить еще одну особенность творчества Л. Андреевой — то, что Валентина Федорова назвала «благородной пушкинской простотой». Дело в том, что Андреева не только в жизни, но и в литературе идет «одной из тысячи дорог». Она с достоинством пережила лихие «девяностые», когда отменили цензуру — воля вольная — и началось некое подобие «поэтических джунглей», сходное с поэзией 20-х годов прошлого века. Появились авангардисты, модернисты, постмодернисты, среди них — метафористы, метаметафористы, конструктивисты, куртуазные маньеристы, панк-поэзия, рок-поэзия и так далее. Поиски новых форм, их нарочитая усложненность привели к их невразумительности и в конечном счете — к неясности нравственного содержания. Появился, например, моностих В. Вишневского (почему стих?): «Спасибо мне, что есть я у тебя», «И долго буду тем любезен я и этим» и так далее. Метафорист К. Кедров отметил «Компьютером любви»: «Небо — ширина взгляда, взгляд — это ширина неба... Человек — это изнанка неба, небо — это изнанка человека» и так далее. (*Синтаксис автора*). Поток метафор, никак не связанных с жизнью.

А вот и тема природы — осень, по метареалисту А. Еременко:

*В пустых металлургических лесах,
Где шел процесс создания хлорофилла,
Сорвался лист. Уж осень наступила
В пустых металлургических лесах.*

Появилось жонглирование цитатами на уровне издевательства над классикой: «Когда волнуется желтеющее пиво...», «Аптека, улица, фонарь под глазом бабы...» (С. Гандлевский) и так далее.

Такое впечатление, что была новая попытка «сбросить с парохода современности» Пушкина и его последователей, но, как и предполагала Л. Андреева (ее тоже тревожило положение вещей), «пена шумная сойдет». Да, сошла, а Пушкин остался навсегда:

*Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает,
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...*

Здесь и действительность, и отражение ее в художественных образах – единство изображенного и выраженного: да, реальные признаки октября и естественный процесс погружения природы в сон, бежит ручей, но «еще», «пока» – скоро прекратится и его журчание. Чувство умиротворения.

Не принесли вреда «лихих поэтов заморочки» и Андреевой, она – тоже осталась:

*Какое солнце разноцветное!
А небо, небо-то какое!
Необозримое, приветное
И голубое-голубое.*

*За огородами поскотина,
Пасутся кони и телята.
О, моя маленькая родина,
Моя пахучая, как мята.*

Несмотря на судорожные поиски в сфере жанров, стилей, поэтики стиха, которые наблюдались в литературе конца 80-х – начале 90-х годов прошлого века, у Андреевой всегда ориентация на строгий классический размер, на стремление к простоте и ясности, на сохранение русской культуры, составной частью которой стал ее поэтический слог, идущий из чистых народных помыслов и высоты народных идеалов. Она народна не только по происхождению, по языку, но и по вере в народ, в будущее России, по светлому мироощущению: да, многое изменилось и в России, и в Заложном, но

*Обо всем судить не берусь,
Много мнений, легенд, мистерий.
В то, что сдюжит Россия-Русь,
И теперь без сомнения верю.*

Творчество Л. Андреевой развивается в русле русской классики, и лучшие стихи нашего поэта вполне сопоставимы с ее образцами.